

ОСКАРОНОСЕЦ

Меня, конечно же — 1999 — 16 окт — 3.7.

— Вы приехали покорять Москву из Астрахани...

— Родился я в Баку и жил там до восьми лет, потом семья переехала в Архангельск, затем — в Астрахань. И если выбирать город, который я считаю родиной до Москвы, то это — Астрахань. Там родились мои родители, там теперь их могилы. Папа был военный моряк, а мама... Знаете, у них была странная пара: она старше, совсем из другой социальной среды, он ее долго добивался, в результате родились я и сестра. Мама была из раскулаченной сельской семьи с двумя классами церковно-приходской школы. Брак у них оказался, честно говоря, неудачным.

— Вы с самого начала знали, что в конце концов столица будет ваша?

— Я это понял сразу, как только вышел из поезда. Москва меня ошеломила, это был восторг, и я был готов встать на колени и целовать этот заплеванной перрон Павелецкого вокзала: "Я в Москве! Я сейчас ее увижу!". В столице у меня не было ни родственников, ни знакомых, я был здесь совсем чужой всем чело-век. И характер мой закалялся, наверное, уже здесь. Начало моей столичной жизни было связано с дикими сложностями. Когда я приехал, думал, что я свой. А когда столкнулся с тем кругом людей, которые поступили в школу-студию МХАТ, то понял, что это совсем не так.

— За те три года, когда вас не брали в школу-студию МХАТ, вы сменили столько рабочих профессий: токарь, шахтер, матрос. Почему не занялись чем-то близким к актерству, играли в романтику?

— Меня не взяли в армию, потому что я был нервный: во сне кричал, да и до сих пор кричу, кстати. И я решил познавать жизнь: сначала поработал на заводе в Астрахани, потом, когда не поступил второй раз, поехал в Воркуту на шахту. На третий год уже оказался на водолазном катере в Баку. Вечерами готовился, репетировал, а днем зарабатывал на жизнь. И такой фильм, как "Москва слезам не верит", вряд ли мог появиться, если б у меня самого не было опыта рабочих общезжитий и опыта завоевания Москвы. В какой-то мере это автобиографический фильм, потому что было и добывание Москвы, и жизнь в пригнутом состоянии с ощущением, что все равно чего-то добылось. В четвертый раз перед экзаменами я был накануне отчаяния, хоть кончай жизнь самоубийством в расцвете лет. Но случилось чудо, и я бесконечно благодарен педагогам, которые меня взяли, потому что оснований для этого было не так много. За годы учебы я не проявил себя интересным актером. Курс был сильным и тяжелым: разные медведи поселились в одной берлоге — я и Мягков. Это не касалось актерских дел, скорее проблем нравственных, человеческих: сходились мы трудно и много спорили. И тут я понял и всю свою провинциальность, и малообразованность, и отсутствие воспитания. Однокурсники из хороших семей прикладывали меня и высмеивали так, что мало не покажется.

— И вы решили перекалцифицироваться в режиссеры, потому что поняли, что не достигните больших высот как актер?

— И поэтому тоже. Ну и кино меня по-прежнему тянуло, а меня в кино никто не тянул, и это было для меня тоже трагично. Всех уже вызывали на пробы, Мягкова, Мирошниченко уже снимали, Веру Алентову позвали в кино сразу после окончания, а меня ни разу никто даже не дернул. Я разочаровался в актерской профессии и стал читать много литературы по режиссуре. Вера купила мне четырехтомник Эйзенштейна, но это оказалось такое тяжелое чтение. Не знаю уж, для кого он преподавал, но меня он подавлял. Потом прочел книгу Ромма "Беседы о кино" и понял, что не все так страшно, набрался смелости и позвонил ему. Он меня взял сразу на второй курс ВГИКа, но руководство было против. В итоге я стал аспирантом, потому что уже погибал от нищеты. Аспирантура поправила материальное положение нашей с Верой молодой семьи, но я хотел снимать картины, а возможность это делать давал диплом ВГИКа, которого у меня не было. Диссертацию не стал защищать, потому что это лженаука, и у меня есть только справка об окончании аспирантуры.

— После дебютного "Розыгрыша" вам предложили сценарий фильма, от которого вы отказались, заявив: "Не люблю все эти картины интеллигенции об интеллигенции". Даниеля взяла его с радостью и сняла "Осенний марафон". Не кусали локти?

— Изобилие фильмов об интеллигенции мне и правда к тому времени стало надоедать. А тут мне попался сценарий Валентина Черныха. Он участвовал в конкурсе сценариев в Москве, получил на нем третье место. После этого предлагался всем, все отказывались, я тоже сначала его отодвинул, но потом что-то меня в нем задело. Я увидел там несколько роскошных ходов, как, например, переход от первой серии ко второй, и самого Гошу, примерно такого, каким он вышел на экраны. Но очень много я, конечно, переписал, переделал.

— А вы сразу знали, что это будет народный хит?

Завтра исполняется 60 лет самому любимому нашим народом режиссеру Владимиру Меньшову. Накануне юбилея он делает сенсационное признание, что не боится попадать в стыдные положения. Что к своим актерским работам всегда относился безответственно, потому что ему это неинтересно. Что никто из съемочной группы фильма "Москва слезам не верит" не думал, что у него будет такой успех. Мало того, некоторые даже хотели попросту сбежать посередине работы от позора подалеже. Что он начал снимать новый фильм про любовь, но говорить о нем много не хочет, боясь сглаза недоброжелателей, коих у него по-прежнему много.

Владимир МЕНЬШОВ: "Я сразу понял, что Москва — это мой город"

КТО СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

— Вся группа считала, что мы делаем плохой немодный фильм, что в соседнем павильоне — там да, там Абрашитов снимает, тут Тарковский делает настоящее кино, а у нас — не то. И Вера тоже сказала, что это плохой сценарий, и я ее долго уговаривал. Единственным, кто поверил в мою работу, был второй режиссер. Оператор даже хотел сбежать с картины. Какой там хит, я думал, как бы без позора выйти из того положения, в которое сам себя поставил. Но когда оказалось полкартины снято, позвал друзей посмотреть, что получилось. И тут я почувствовал, что все удалось.

— Говорят, в фильме было много порезано любовных сцен?

— Я хотел свидания Катерины с любовником, которого играет Табаков, сделать более плотским, чем сцена ее соблазнения, когда она была еще девочкой и не знала, что и как. Они с Табаковым стояли друг перед другом и судорожно, быстро раздевались, бросались друг на друга. Это вызвало такую бурю негодования, хотя что там: она оставалась в комбинации, он в трусах. И жаль, что пришлось убрать, потому что я хотел, чтобы было видно в Катерине женщину — не девочку, но мать.

— И ваша супруга легко согласилась на любовь перед камерой?

— Ну там же ничего особенного, кроме страстного поцелуя и бурного раздевания, хотя само нетерпение было гораздо сексуальнее, чем если бы мы показали сам акт, потому что оба прямо с ума сходили. Взрослая женщина, взрослый мужчина — нормальные отношения.

— Правда, что вы на съемочной площадке можете разругаться с женой в пух и прах?

— Сейчас уже нет, но на "Москве слезам не верит" было очень нервно. Я всегда требователен к Вере, а тогда мне вообще не нравилось, что она делает. Группа даже уведила ее от меня в сторону, успокаивая где-то в уголке. В основном, так тяжело мне было только с ней, игра остальных меня как раз устраивала. И Вера тоже в ответ не молчала, а меня довести до крика — раз плюнуть, так что дергались оба. Выяснения продолжались и в машине по дороге домой, и в квартире — слезы, скандалы и заявления: "Я не пойду завтра на площадку!"

— Про то, как картина попала на "Оскар",

до сих пор ходят разные слухи.

— Картина в результате очень понравилась начальству, хотя проблемы с эпизодом на квартире у Табакова тянулись до самого конца, у меня даже требовали его вообще целиком убрать. Боялись, что Гришин не пропустит, но фильм понравился Брежневу, и судьба его была решена. Но, думаю, отбрали все же сами американцы, потому что в США еще до "Оскара" картина получила приз прокатчиков, они заработали на ней под три миллиона долларов — три, а может, и тридцать тысяч процентов от того, за сколько они ее купили — я не знаю точной цены, но уверен, что наши продали дешево.

— Что-то попало в ваш карман?

— Нет, хотя я заработал неплохо по тем временам. Мне дали постановочные самой высокой категории и еще полторные постановочные за зрителя в наших кинотеатрах, что вызвало в кинематографических кругах дополнительную неприязнь ко мне. Я пошел с приглашением на церемонию вручения "Оскара" к нашему министру культуры, но тот сказал: "А знаешь, кто еще номинирован вместе с тобой? Куртросова, Трюффо! Ну что тебе ехать позориться?" Так я своего "Оскара" впервые увидел аж в 89-м году на церемонии вручения "Ники", где должен был его взять и за кулисами сразу же отдать. Но не отдал.

— А вам по-мужски не было обидно, что супруга, став известной раньше вас, первая решила бытовые проблемы семьи — получила двухкомнатную квартиру? Вы же жили долго в общежитиях, причем в разных.

— Нет, когда она ее получила, я был еще никто, и даже оснований у меня обижаться не было. Сначала мы вообще боролись за восьмиметровую комнату в коммуналке, а тут такое счастье, как отдельная квартира. И ребенка мы не могли себе позволить, да и долго не было понятно, что Вера беременна, ну а когда стало ясно, решили: будь что будет. При этом она жила в театральном общежитии в комнате с еще одной девочкой. А я — в общежитии ВГИКа. Иногда девочка оказывала нам милость и уходила к своей тете ночевать, так у нас появлялась целая ночь. В итоге получилась Юля.

— У дочери чей характер — мамин или папин?

— Недавно она отмечала свой день рождения.

Собрались ее институтские подруги и коллеги с ТВ-6. И когда они говорили про Юлю, я сделал столько открытий про ее характер! Оказалось, она довольно жестка на работе. Я услышал про дочь такие слова, какие произносят обычно на пятидесятилетии, а не тридцатилетии. И в кого она пошла, мне трудно сказать, потому что у Веры характер тоже жесткий, хотя она женщина и во многом все-таки прячется за моей спиной. Юлины друзья даже говорили, что ей нужно в президенты баллотироваться. Хотя начинала она на телевидении тяжело, через полгода на нее начался крупный накат, группа заявила, что с Меньшовой невозможно работать, дошло до того, что перестали общаться, и сценарий очередной программы просто кидали в почтовый ящик. Группа пришла к Демидову и поставила ультиматум: "Или мы, или она". И у Вани хватило мудрости сказать: "Или она".

— Но вернемся к вам. Как появился фильм "Любовь и голуби"?

— После "Москвы слезам не верит" я не ждал такого приступа ненависти в своей среде, какой получил, хотя друзья утешали, что просто завидуют. Уважаемые люди с высоких трибун говорили: "Надо что-то делать с картиной "Москва слезам не верит" — это же позор "Мосфильма". И я понял, что на меня смотрят в увеличительное стекло, и должен был доказать, что "Оскар" — не случайность. А тут мне кто-то посоветовал сходить в "Современник" на спектакль "Любовь и голуби". И, сидя в зале, стал ловить себя на том, что плачу и смеюсь, глядя на сцену, что забыл обо всем. И я подумал, что если на меня так действует эта пьеса, почему бы мне не снять по ней фильм.

— Вы все время говорите про неприятие в вашей среде, но у вас всегда снималось столько известных артистов!

— Не всегда, это пошло с фильма "Любовь и голуби", но там уже был "Оскар", хотя тоже многие ломались. Гурченко очень осторожно отнеслась к работе. В "Ширли-мырли" были уже одни звезды. Но вот Чурикова после фильма сказала в интервью, что жалеет о том, что снялась в картине. Ну а я жалею, что ее снял, и должен сказать, что не в восторге от ее игры и особенно от работы с ней.

— У вас такие паузы между фильмами, чем вы их заполняете?

— Уже два года играю главную роль — коренного израильтянина — в спектакле Леонида Трушкина "Поэма эмигранта". Внутренняя дрожь, конечно, была, ведь 30 лет прошло, как я закончил школу-студию МХАТ, и с тех пор не выходил на подмостки. Но рискнул, и мало одного спектакля, играю теперь еще на малой сцене в Театре им. Пушкина вместе с Верой в спектакле "Пизанская башня".

— Вы в разговоре часто сравниваете себя с женой. Считаете ее соперником?

— Нет, профессии-то у нас разные. Мы очень разные люди, это тот случай, когда сходятся противоположности, хотя духовные интересы близки. Она человек по имени "нет", я ее переделываю, а у нее все равно первая реакция на любое предложение — сказать "нет". А я человек по имени "да" — всегда пробую то, что предлагает мне судьба. Считаю, что гораздо страшнее пропустить свой шанс, чем облажаться. Во всякую протянутую руку тут же вкладываю свое, а потом уже думаю. И в политику меня тянуло, и каждый раз я верил. И потом что-то случилось полезное из-за того, что когда-то с кем-то познакомился: и деньги на картину нашлись, и Юле квартиру устроили.

— А что же дальше?

— Ну я не очень хочу как раз про это говорить, потому что вместе с рекламой того, что ты делаешь, растет враждебность по отношению к тебе. Только сейчас, спустя 20 лет, скрипя зубами, стали говорить, что мы не сразу оценили "Москву слезам не верит", что там есть достоинство, но, в общем-то, что говорить, это не Михалков, не Соловьев и уж тем более не Тарковский. Большинство режиссеров говорили, что это дешетка, что каждый из нас мог бы снять такой фильм, но нам не позволяет это сделать хороший вкус. А я делал и буду делать кино для народа, который в их понимании, по существу, был. Я не отрицаю авторского кино, но это штука работа, им владеет всего несколько человек в стране. Тарковский, Исоселани, Герман — три фамилии только могу назвать, остальные имитаторы, они не знают, как снять зрительское кино, поэтому снимают авторское.

Но я не останавливаюсь, 14 сентября начал снимать новое кино. Рабочее название — "Последнее танго в Москве", но оно мне не нравится, думаю, будет "Зависть богов". Это 83-й год, это любовь русской женщины к иностранному журналисту. В их роман вмешиваются события в связи со сбитым нашими их самолетом. Действие разворачивается на периферии, не в столице. Ее играет Вера Алентова, ее мужа — Александр Феклистов, ее маму — Ирина Скобцева. С журналистом пока до конца не определились. Ну и я пройду где-нибудь, как Хичкок.

Залипала Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.
Фото из архива Владимира Меньшова.